

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССИФИКАТОРЫ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ РОЛИ ЖЕНЩИН В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДАГЕСТАНА*

*Алиса Романовна Шишкина***

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Евгений Александрович Иванов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Елена Сергеевна Леонченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Фокус данного исследования направлен на изучение того, как общественно-политические процессы влияют на роль и положение женщин в системе социальных отношений в Дагестане. В частности, исследуются факторы, способствующие включению дагестанских женщин в публичное пространство на фоне участившихся протестных акций, в которых отмечается растущее участие со стороны женщин. Исходя из бурдиевистской оппозиции «приватное-публичное», изучению в данном случае подлежат факторы, способствующие переходу женщин из «женского» (приватного) в «мужское» (публичное) пространство, либо, наоборот, препятствующие такого рода социальным перемещениям. Авторы приходят к выводу, что процессы урбанизации, связанной с ней внутренней миграции, возможность получать образование, обращение к новейшим средствам коммуникации и передачи информации и т. д. выступают факторами, стимулирующими включение женщин в публичное пространство, в том числе в форме протестов. В то же время, сохраняющиеся консервативные установки общества, а также растущая религиозность в постсоветское время негативно сказываются на этих процессах.

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00476).

** Стипендиат Oxford Russia Fund Fellowship.

Женские протесты в Дагестане

Протестная динамика в Дагестане – одна из самых высоких в России, и в последние годы наблюдается рост протестной активности, сопровождаемый широким вовлечением женщин в публичные процессы. Среди них можно выделить три типа протестов¹: первый – с выраженным преобладанием женщин среди участников акции, второй – смешанный, где доля женщин и мужчин приблизительно сопоставима, и третий – где мужчины составляют очевидное большинство.

По нашим данным, в период с 2011 по 2017 гг. протесты первого типа касались преимущественно жилищного вопроса, коррупции, неудовлетворительной работы местных властей, а также проблем здравоохранения, экологии и нарушения прав человека. Протесты второго типа затрагивали жилищные вопросы, недовольство работой правоохранительных органов, вопросы политики школ и университетов и проблемы в сфере здравоохранения. Повестка протестов третьего типа («мужских») включала недовольство работой правоохранительных органов, жилищный вопрос, нарушения

¹ В рамках данного исследования была собрана база данных по протестам, митингам, пикетам и демонстрациям, проходившим на территории Республики Дагестан в период с 1 января 2011 по 31 декабря 2017 гг. Поиск информации проходил через регулярный мониторинг новостей Интернет-СМИ, ориентированных на освещение событий на Северном Кавказе («Кавказский узел», «Черновик»), региональным СМИ через ресурс Public.Ru, и российским журналы по общественным и гуманитарным наукам, доступ к которым был получен через ресурс EastView. При фиксировании протестов учитывались такие характеристики как продолжительность, количество акций (одиночный пикет или серия протестов), место проведения, повестка (или повестки), состав протестующих, против кого или чего выступают протестующие, количество участников (по данным Министерства Внутренних Дел по Республике Дагестан и по оценке организаторов или журналистов), реакции властей, результаты протеста. Также протесты характеризовались с помощью критериев организованности, санкционированности и типу протеста (мирный или насильственный). Повестка мероприятия определялась с учетом высказываний протестующих, для подтверждения информации о количестве протестующих и составе участников (соотношение женщин и мужчин) производился поиск фото и видеоматериалов с места события. В рассматриваемый временной промежуток в Республике Дагестан было зафиксировано 170 протестов, однако, поскольку исследование фокусируется на включении женщин в публичное пространство и в частности их участие в протестах, акции, в которых не участвовали женщины, были исключены из базы данных, тем самым оставляя 87 протестов с участием женщин.

на выборах, проблему коррупции и недовольство работой местных властей.

Учитывая тот факт, что публичное пространство – понятие размытое (Fraser 1990; Habermas 1991; Papacharissi 2002), в исследуемом нами контексте оно может включать в себя множество сфер – от благоустройства двора до протестов за отставку правительства. Мы предлагаем два подхода к операционализации публичного пространства при изучении женской публичной активности в Дагестане. Первый подход подразумевает, что протесты – одна из кульминационных форм публичного действия. Поэтому участие женщин в уличных акциях может служить индикатором для изменения статуса женщин в обществе. Второй подход исходит из того, что чем шире возможности женщин к участию в общественных делах, тем больше «историй успеха» женщин в целом – в политике, бизнесе, творчестве. Зачастую эти два подхода пересекаются, когда женщины, достигшие успеха в своей сфере, становятся ведущими акторами протестов, лидерами общественного мнения и ролевыми моделями для других женщин, побуждая их к самореализации.

Под протестами в рамках данного исследования понимается форма индивидуального или коллективного действия, направленного на изменение культурных, политических и социальных процессов, и бросающая, таким образом, вызов сложившемуся статус-кво, рассматриваемому как несправедливый, посредством ряда практик – петиций, демонстраций, бойкотов, блокирования дорог, забастовок, беспорядков и т. д. (Della Porta, Diani 2006).

Протесты как часть социальных движений оказываются в поле зрения различных теорий – в частности, теории ресурсной мобилизации (McCarthy, Zald 1977; Jenkins 1983; Tilly 2017, и др.), относительной депривации (Davis 1959; Gurr 1970; Walker, Mann 1987; Olson *et al.* 2014 и др.), анализа дискурсов, фреймирования (Goffman 1974; Benford, Snow 2000). В силу специфики исследовательского инструментария они не до конца объясняют, какие факторы приводят к тому, что женщины в традиционных обществах принимают решение включиться в протестные действия. Кроме того, становление и развитие названных теорий происходило на основе изучения западных обществ, отличающихся высокой степенью индивидуализма их членов. В нашем случае, как было показа-

но выше, в фокус анализа попадает регион с принципиально другой логикой формирования социальных связей, обусловленной высоким уровнем консерватизма и доминирования коллективных ценностей над индивидуальными.

Таким образом, в данном случае представляется целесообразным обратиться к социальным классификаторам Бурдые, так как в традиционных обществах совпадают, в частности, границы «приватного-публичного», если говорить о символическом пространстве, и «мужского-женского» при описании механизмов воспроизводства господства. Структура социального пространства, по Бурдые, выражается в разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого пространства (Бурдые 2007: 50–51). Бурдые в этом случае приводит в качестве примера разделение на две части внутреннего пространства кабийского дома, где женщинам атрибутируются свойства внутреннего, низкого, постоянного, в то время как мужчинам приписывается внешнее, официальное, публичное (Бурдые 2005).

О физических пространственных оппозициях и их влиянии на социальную структуру общества писал Ю.Ю. Карпов – выступая в качестве «адепта Бурдые» на Кавказе и используя соответствующий категориальный аппарат, он отталкивается в своих этнографических изысканиях от представлений о мужском и женском как составляющих одной из универсальных оппозиций культуры, которая, наряду с такими оппозициями как верх и низ, чет и нечет, и многими другими, придает миру людей и окружающей их среде определенную упорядоченность. Женское пространство на Кавказе конституируется уже в силу того, что место и роль мужчин и женщин в обществе не совпадает, причем зачастую официальная культура социума задается именно мужским пространством, а женская остается в тени (Карпов 2013: 3–4).

Следуя также логике исследования, применяемой Л. Олсон и С. Адоньевой для изучения социальных миров русской деревенской женщины, в предлагаемой работе выделяются несколько типов идентичности: гендерная (гендер в данном случае рассматривается как социально артикулируемая идентичность, предполагающая отношения различия и власти; возрастная (юность – зрелость – старость в модели Олсон и Адоньевой, а применительно к кавказскому региону уточненная до формулы девичество – заму-

жество – старость); социально-территориальную (город – деревня). Олсон и Адоньева предлагают разграничивать самоидентичность и относительную (аффилированную) идентичность (Olson, Adonyeva 2013: 5). В данное исследование также была включена идентичность религиозная.

Положение женщин в традиционных обществах

Феномен вовлечения женщин в протестные движения оказывается особенно актуальным на фоне распространенного представления о консервативных установках традиционных обществ, исключающих женщин из публичного пространства и предписывающих им набор ролей в пространстве приватном (Olson, Adonyeva 2013). Однако одной из главных теоретических и эмпирических проблем в данном случае выступает само определение традиционного общества.

Кластер исследований отражает связь традиционного общества с гендерным неравенством и патриархатом, которые включают в себя как стратификацию социальных достижений в зависимости от пола и доминирование мужчин, так и влияние гендерных иерархий в семье (сведение роли жены к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей) и иерархию поколений (зависимость младших поколений от взрослых членов семьи при принятии важных решений) (Halpern *et al.* 1996; Joseph 1996; Therborn 2004; Kazenin 2019). Солтишек и др. (Szoltisek *et al.* 2017) в этой связи отмечает, что модели организации семьи выступают важнейшим генератором социального неравенства.

Тернер предлагает типологию обществ, основанную на дихотомиях различных видов солидарности и лояльности. Традиционные общества, по его мнению, характеризуются “плотным” обязательным членством, которое, следуя Дюркгейму, реализуется через ритуальные практики и общую культуру. К традиционным обществам он относит сельские, племенные, кочевые и др. Современные общества, напротив, являются городскими, индустриальными, динамичными и индивидуалистичными (Turner 1999).

Таким образом, мы можем видеть, что описанные характеристики традиционного общества соответствуют логике формирования слабых связей в Дагестане, с точки зрения истории региона и в настоящее время. Применительно к северокавказскому региону в этом отношении можно добавить такие характеристики как раство-

ренность личности в коллективных представлениях, практиках, а также кровнородственных и территориальных объединениях (Казенин, Стародубровская 2019).

Северокавказский регион, тем не менее, отличается значительной неоднородностью, и традиционный образ жизни не является универсальным для всех республик. Так, если, скажем, в Ингушетии он сохранился в наибольшей степени, то на территории в других регионах традиционные нормы распались под влиянием советской модернизации (Северо-Западный Кавказ), затяжных военных действий (Чечня), а также стремительной урбанизации (Дагестан) (Казенин, Стародубровская 2019). Молодикова и Уотт (Molodikova, Watt 2014) отмечают, что по некоторым ценностным установкам молодежи – в частности, представлению об идеальных образах мужчины и женщины, общество пребывает одновременно в традиционном, индустриальном и постиндустриальном состоянии.

Автор многочисленных исследований региона И. В. Стародубровская считает, что Дагестан целесообразнее относить к типу обществ на переломе. Крах советской системы и процессы глобализации привели к размыванию традиционных обществ и разрушению сложившихся регуляторов человеческих отношений. Как следствие, Северный Кавказ переживает масштабные демографические, социальные и экономические сдвиги (Стародубровская 2015). При этом черты демографического перехода, когда смертность уже снижается, а рождаемость еще не падает, создают почву для конфликтов. Размывание традиционных связей идет параллельно и с процессами урбанизации, переселения жителей села в города (Казенин 2019).

Факторы включения женщин в протесты: качественный сравнительный анализ

Для понимания современного положения женщин в пространственно-символической динамике дагестанского общества в первую очередь были выдвинуты гипотезы об эмансипирующем влиянии светских практик и установок Советского Союза, в первую очередь образовательных, роли ислама в формировании представлений о роли женщины в обществе, а также новейших коммуникационных

технологий в формировании протестного потенциала женщин и, таким образом, их включения в публичное пространство.

Для первичного тестирования указанных гипотез о влиянии указанных факторов был использован метод экспертных интервью, а также качественный сравнительный анализ. Последующая работа строилась также на результатах полевых исследований, проведенных авторами статьи в Республике Дагестан в мае и июне 2019 г.

Результаты серии экспертных интервью с кавказоведами и социологами лишь частично подтвердили гипотезу об исторической замкнутости дагестанских женщин внутри приватного пространства. Так, было отмечено, что в силу специфики географического положения, торговые пути, проходивших через эту территорию, а также динамики разворачивавшихся здесь конфликтов, Дагестан представляет собой особую социальную общность, для которой женская активность в публичном пространстве не выступает в качестве чуждого феномена (Карпов 2007).

Существенное влияние на «женский» вопрос в Дагестане оказали установки СССР на создание более широкого набора идентификаций взамен или в дополнение к существовавшим ранее сельским или родственным (Карпов 2017). Декреты советской власти обеспечивали равноправие мужчин и женщин, и с этой целью повсеместно создавались так называемые женотделы, однако включение дагестанок в их работу было затруднено непониманием горянок сущности такого рода организаций (Дзагурова, Михайлова 1979). Кроме того, их включению в общественную жизнь препятствовали патриархальные установки населения Дагестана, недовольство необходимостью отдавать детей в дошкольные учреждения, а также проблемы с внедрением медицинской помощи женщинам – так, советское здравоохранение здесь столкнулось с сформировавшейся на протяжении долгого времени практикой обращения к местным повитухам (Маньшев 2019).

Тем не менее, несмотря на описанные трудности, очевидно, что советская система с ее ориентацией на включение женщин в публичное пространство и экономические процессы оказала существенное влияние на трансформацию традиционной системы выстраивания отношений в семье в северокавказском регионе.

В частности, именно ранние советские годы стали временем, когда женщины смогли впервые выносить в публичное простран-

ство о насилии по отношению к ним – в самом широком смысле. В предшествующие исторические периоды эти темы не принято было обсуждать, а, скажем, изнасилование для девушки могло обернуться отказом от дома и невозможностью впоследствии выйти замуж. В раннесоветское же время женщины получили право говорить о насилии открыто, причем от своего имени (Нефляшева 2016).

Эмансипирующее влияние образовательных практик периода Советского Союза представляется неоднозначным фактором. Модернизационный потенциал политики, проводимой СССР, признается, в частности, К. Казениным, однако с поправкой на то, что применительно к Кавказу сложно выстраивать единый сюжет, и в частности, в Дагестане по сравнению, скажем, с центральной Россией, в сфере образования и занятости она шла медленнее. Тем не менее, роль женщины в семье постепенно менялась, она получала образование, часто далеко от дома, и нередко становилась основным добытчиком, особенно в крупных городах (Смирнова 1983). Что касается образования в постсоветский период, то в это время также отмечалась деградация качества образования, связанная с процессами децентрализации, экономической стагнации, а также, как следствие, с усилением влияния клановой системы и интенсификацией религиозного образования (Molodikova, Watt 2014).

Уже неоднократно упоминаемый в этой работе Ю. Карпов отмечает, что «базовым в отношении к женщине, в ее положении в нем оставался традиционный подход, лишь корректировавшийся методами и формами христианства и ислама» (Карпов 2013: 216). Ислам, однако, по его мнению, наложил более сильный отпечаток на облик и позиции женщин. Реисламизация региона в постсоветский период ожидаемо сопровождалась усилением гендерных различий.

Важной особенностью процессов исламизации в Дагестане, на которую обращает внимание И. Стародубровская, является религиозная форма межпоколенческого конфликта, проявляющегося в большей степени среди молодых девушек, для которых подчеркнутая религиозность и ношение хиджаба выступает как форма протеста против контроля со стороны традиционного общества, то есть поколения родителей, перенявших светские практики Советского Союза. Конфликт нередко усугубляется страхом родителей за сво-

их детей, связанным с разным восприятием действий правоохранительных органов как реакции на манифестацию религиозности. В целом можно сказать, что влияние модернизации в кавказских обществах проявляется в основном в том, что молодые люди, особенно в крупных городах, все чаще предпочитают делать личный выбор, не зависящий от решений родственников и окружения, а источник поддержки находят в традиционных ценностях (Molodikova, Watt 2014), размытых вследствие политических и социодемографических процессов предшествующих десятилетий.

Несмотря на то, что Дагестан является наиболее доступной для анализа северокавказской республикой, существуют серьезные ограничения доступа к данным и их наличия в целом. Одна из главных проблем для целей представляемого исследования стало то, что данные Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан, во-первых, не всегда гарантируют достоверность, а во-вторых, зачастую охватывают всю республику в целом, без детализации по районам. В связи с этим на этапе кабинетного исследования были выделены районы (анализ сообщений в СМИ), в которых в исследуемый период фиксировались протесты с участием женщин (см. Табл. 1), а также несколько переменных для предварительного анализа²: общая численность населения (*TotalPop*), превалирование женщин в структуре населения конкретного города/села (*FemPrev*), дихотомия город/село (*Urban/Rural*), дихотомия равнина/горы (*Plain/Mount*), средняя зарплата учителей (*AvSalTeach*), средняя зарплата медицинского персонала (*AvSalMed*) (на основе доступных данных были выбраны те профессии, в которых у женщин наибольшая занятость), миграционные показатели – число прибывших (*Arrived*) и число выбывших за определенный период (*Leaved*), а также количество мечетей в каждом из рассматриваемых населенных пунктов (*Mosques*). Кроме того, были введены такие показатели как организованность или спонтанность акций (*Org/Spont*), а также их скоординированность (*Coord(0/1)*). Данные были дихотомизированы по медианному значению в качестве порогового. Исходы (*Protests*) были также дихо-

² Статистические данные Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан: <http://dagstat.gks.ru/>. Число мечетей было подсчитано с использованием сервиса 2ГИС ввиду отсутствия статистических данных по этому показателю в республике.

Окончание Табл. 1

	Махачкала	Шушия	Дербент	Хасавюрт	Гимры	Кизляр	Ахты	Буйнакск	Семендер	Самур	Новокули	Сулак	Теречное
Экология													
Права человека	6												
Национальные вопросы	1												

Табл. 2. Переменные для качественного сравнительного анализа

Region	TotalPop	Org/Spont	Coord(0/1)	FemPrev	Urban/rural	Plain/Mount	AvSalTeach	AvSalMed_1	Arrived	Leaved	Mosques	Protests
Makhachkala	1	0	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1
Shushiya	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0	0	1
Derbent	1	0	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1
Khasavyurt	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1
Gimry	0	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	1
Kizlyar	1	0	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1
Akhty	1	1	1	0	0	1	1	0	0	1	0	0
Buynask	1	1	1	0	1	0	1	0	1	1	1	1
Semender	0	1	1	1	1	0	0	1	0	0	1	0
Samur	0	0	1	0	0	0	1	1	1	1	0	1
Novokuli	0	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0
Sulak	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0
Terechnoe	0	1	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0

Качественный сравнительный анализ (QCA) был выбран в качестве метода предварительного анализа, поскольку он, прежде всего, применяется при работе с малыми выборками и, во-вторых, помогает достичь определенного баланса между качественными и количественными подходами, учитывая ориентацию на конкретные кейсы (отсутствие которой часто выступает в качестве аргумента критиков количественных методов) и, в то же время, позволяя добиться межкейсовых обобщений.

В ходе анализа были получены следующие результаты.

Положительные исходы (случаи, когда наблюдалось повышенное число протестов):

$TotalPop\{1\} * Org/Spont\{1\} * Urban/Rural\{1\} * AvSalTeach\{0\} * Arrived\{1\}$

Consistency 1.00

Coverage 0.35

Отрицательные исходы (случаи, когда наблюдалось невысокое число протестов):

$Org/Spont\{1\} * Coord\{0\} * Urban/Rural\{0\} * AvSalMed\{1\} * Leaved\{1\}$

Consistency 1.00

Coverage 0.31

Так, для всех положительных исходов была выявлена роль кумулятивного эффекта выбранных переменных в качестве достаточного условия возникновения протестов с повышенным участием женщин (consistency 1.0, coverage 0.12-0.38 в зависимости от региона). В то же время, необходимым условием возникновения протестов выступила комбинация следующих факторов: высокая численность населения города, организованный характер протестов, низкий уровень заработной платы учителей и высокая доля людей, прибывших в населенный пункт. Что касается отрицательных исходов, важными оказались следующие факторы (по сути, объясняющие, почему в том или ином населенном пункте не наблюдалось повышенного числа протестов): организованный, некоординированный характер акций, сельская местность, высокий уровень зарплат среднего медицинского персонала, а также высокий процент выбывших людей.

Исламский фактор

Несмотря на то, что значительной роли такого фактора как число мечетей в формировании протестного потенциала женщин выявлено не было, с нашей точки зрения, религиозный фактор требует дополнительного рассмотрения ввиду размытости официальных данных о количестве мечетей и наличия в республике значительного числа религиозных центров, находящихся вне контроля государства, и с целью оценить их роль в разрешении конфликтных ситуаций в обществе. Нам также было важно определить отношение религиозных институтов к женской активности в публичной сфере. Ряд исследований, а также проведенные нами экспертные интервью с кавказоведами, социологами и исламоведами выявили тот факт, что исламизация выступает, как уже было отмечено, в качестве одной из форм конфликта поколений и фактора размывания устоев традиционной семьи (Стародубровская 2019; Стародубровская, Казенин 2019).

В этом случае нередко девушки приходят к религии самостоятельно, зачастую наперекор родственникам (Казенин, Стародуб-

ровская 2016), и ислам становится для них способом заявить о собственной идентичности, в противовес правилам, транслируемым «советским» поколением родителей.

Несколько иначе обстоят дела с официальным исламским образованием, которое начало распространяться в ранний постсоветский период. Стоит сразу оговориться, что исламские образовательные учреждения, учрежденные муфтиятом РФ (их на территории Дагестана шесть), – это один из многочисленных социальных пазлов дагестанского общества. В настоящий момент его нельзя назвать доминантным, однако постепенно формируется тенденция все большего включения молодых людей в эту образовательную среду. В университетах учатся в основном мужчины, однако именно на примере женских отделений можно наиболее отчетливо проследить транслируемые ими установки.

Женские отделения есть в исламских университетах в Махачкале, Буйнакске и Дербенте. Обучение раздельное, программы мужских и женских отделений также разнятся (последние «проще», так как исключены предметы, готовящие студентов стать имамами, кроме того, женщинам не преподаются дисциплины, связанные, к примеру, с исламским правом). Еще одним важным отличием в образовательных подходах является гораздо более сильный упор на воспитательные приемы, нежели при работе со студентами мужского пола. В соответствии с этими запросами корректируются и образовательные программы – в них включаются «женские» аспекты, касающиеся правил поведения в семье, общения с мужем и родственниками, воспитания детей и т. д. К публичной активности студенток в этом случае отношение однозначное – она не признается и даже порицается.

Результаты полевых исследований

В ходе полевой работы основным методом сбора данных выступали глубинные полуструктурированные интервью продолжительностью от 30 минут до 2 часов. В центре внимания были опыт респондентов, траектории личностного развития, а также факторы, определившие тот или иной выбор в жизни информантов. Поскольку в качестве респондентов отбирались женщины, имеющие

такой уникальный опыт и активную публичную позицию, выборка формировалась не по критериям репрезентативности, а методом «снежного кома» внутри сравнительно небольшого круга гражданских активистов и представителей творческих профессий. В этой связи представленные ниже характеристики выборки могут существенно расходиться с характеристиками генеральной совокупности. В тоже время дается базовое описание женщин-активисток из Дагестана (социально-демографические характеристики).

Образование

Для дагестанских девушек образование, семейное положение и личный доход являются выраженными маркерами статуса. Однако не все так однозначно. В частности, в советский и постсоветский период в Дагестане, как и в России в целом, в родительской среде закрепились установка на получение высшего образования детьми. При этом качество самого образования и уровень подготовки выпускников снижаются, что доказывает преимущественно формальный и сугубо статусный характер высшего образования. Для девушек наличие диплома вуза в традиционной системе означает повышение ее «стоимости» как будущей невесты и вхождения в более состоятельную семью жениха, но при этом сама девушка находится в подчиненном положении, поскольку брак заключается во многом по договоренности между родителями жениха и невесты. По сути, для семьи девушки такой подход к высшему образованию дочерей является перспективной инвестицией.

В то же время, образование позволяет девушкам получить первый опыт самостоятельной жизни вдали от родительского контроля, особенно для тех, кто ради учебы переехал из сельской местности в города. 55 % опрошенных родились в сельской местности, из них только 27,3 % вернулись жить в родные аулы, тогда как большинство респондентов предпочли остаться в Махачкале, Каспийске и Дербенте, еще несколько девушек уехали в Москву. В городе неизбежно происходит разрыв с прежним кругом общения, а само обучение в вузе дает более широкий взгляд на мир, знакомит с новыми идеями. Все это нередко переформатирует прежние жизненные установки девушек, повышая их стимулы к мобилизации.

Табл. 3. Уровень образования

Уровень образования (доля среди женщин, указавших уровень образования)	Выборка опроса (доля в процентах от общего числа респондентов)
Послевузовское/второе высшее	10
Высшее	47,5
Неполное/неоконченное высшее	30
Среднее	12,5
Начальное	***

89,5 % респондентов проживают в городах (10,5 % в сельской местности). При этом 71,9 % опрошенных проживают в больших агломерациях (Махачкала – 68,4 % и Москва – 3,5 %). Хотя наше исследование охватывало в том числе сельские районы Дагестана, подавляющее большинство женщин-респондентов проживает в городах. При этом 62,5 % женщин-информантов проживают в Махачкале. Это в очередной раз дает указания на то, что в сельской местности, где по-прежнему имеют силу традиционные нормы и усиливается ислам, женщины более ограничены в возможностях публично высказывать и отстаивать свою позицию.

Табл. 4. Семейное положение

Семейное положение	Выборка опроса (доля в процентах от общего числа респондентов)
Не состояла и не состоит в браке	58,6
Состоит в браке	27,6
Разведена	8,6
Вдова	3,4
Состоит во втором (или последующем) браке	1,7

Что касается семейного положения, то, как мы можем видеть из Табл. 4, подавляющее большинство женщин, участвовавших в акциях протеста, не состоят и никогда не состояли в браке, разведены, либо являются вдовами. Очевидно, что в самом поведении женщин, связанном с разрывом шаблона традиционного общества, предписывающего раннее вступление в брак и его сохранение женщиной, уже заложен определенный протест, который позволяет им отстаивать свое мнение и в других сферах. Развод и вовсе ста-

новится переломным моментом: «после моего развода отец сказал: мои дочери сами решают свою судьбу!» (Женщина, 44 года, Махачкала).

Примечательно, что большинство респонденток на вопрос «Принимали ли Вы решение выйти замуж самостоятельно?», как правило, отвечали «Да», считая при этом процедуру сватовства непротиворечащей свободному выбору девушки, так как, отмечают они, обычно у нее спрашивают, согласна ли она выйти замуж за конкретного претендента. Отказ возможен, однако влечет за собой если не конфликт, то некоторое охлаждение в общении с родственниками. «У нас так принято, с 16 лет меня пытались выдать замуж. В 16 лет меня сосватали в первый раз. Я наотрез отказывалась вообще выходить замуж, были слезы, истерики, скандалы с родственниками... Не прошло и месяца, как приходит новый жених. Дали слово без моего ведома, согласие дали» (Девушка, 25 лет, Махачкала).

Отдельно стоит сказать о вдовах. Исторически на Кавказе вдовы имеют обособленное положение (Карпов 2013). Учитывая возраст женщины и социальный статус покойного супруга, вдова может выступать наравне с мужчинами и иметь высокое положение. Молодые вдовы могли бы рассчитывать на некую самостоятельность, но все зависит от ее семьи, семьи покойного мужа и среды в целом. В сельской местности высока вероятность повторного брака внутри узкого круга без учета мнения вдовы. В большом городе есть возможность получать пособия и снижается давление общества, вследствие чего женщина может выйти из круга ограничений, накладываемых традицией.

Этнический фактор

Табл. 5. Этнические группы, представленные в выборке

Этнос	Выборка опроса (доля в процентах от общего числа респондентов)
Аварцы	12,5
Даргинцы	20
Кумыки	17,5
Лезгины	5

Окончание Табл. 5

Этнос	Выборка опроса (доля в процентах от общего числа респондентов)
Лакцы	15
Азербайджанцы	2,5
Русские	5
Смешанное происхождение	17,5
Прочие	5

Особого внимания заслуживает тот факт, что значительная часть женщин-респондентов (17,5 % – вторая/третья по численности группа в выборке) имеет смешанное этническое происхождение. Можно предположить, при отсутствии единой этнокультурной традиции, прививаемой с детства, эти девушки и женщины формировались как более открытые с плюралистическим взглядом на мир. Кроме того, двойственная и даже тройственная идентичность позволяла примерить на себя несколько ролей и множество моделей поведения, особенно, если родители принадлежат к неродственным этническим группам.

Информационные технологии

Активное участие женщин в общественной жизни становится возможным и благодаря доступу к сети Интернет и социальным сетям (35 человек заявили, что пользуются социальными сетями для получения информации, 20 – Интернет-СМИ, 11 – телевидением, 4 – читают печатную прессу, 2 – слушают радио). Среди наиболее популярных социальных сетей респонденты выделили Instagram – 30 респондентов, What's app – 24, Facebook – 14, ВКонтакте – 8. По словам респондентов, Instagram дает возможность для организации своего дела, Facebook удобен для организации мероприятий и выражения своей гражданской позиции.

Члены общественного движения «Город наш», которое фокусируется на проблемах градостроительной и экологической политики г. Махачкалы, мобилизуют равнодушных жителей административного центра Дагестана к участию в протестных акциях, подписанию петиций в защиту памятников архитектуры, общаются с представителями местных властей, а также информируют о ходе

решения общественных проблем. Популярность социальной сети Instagram как платформы для ведения своего бизнеса среди женщин можно объяснить тем, что она позволяет найти большее количество клиентов, к тому же, женщина может при сохранении роли жены, матери и домохозяйки получить финансовую независимость. «Я поняла, что в Инстаграме большая часть аудитории, заинтересованная в путешествиях, туризме, в развлечениях, поэтому я акцент делаю на Инстаграме. Я сижу только там» (девушка, 26 лет, Махачкала).

Вместе с тем ведение бизнеса через социальные сети позволяет женщинам избегать трудностей взаимодействия с мужчинами, которые могли бы возникнуть при живом общении и которые порицаются исламской традицией («Есть мусульманская норма, что мужчины и женщины не могут находиться в одном помещении. У нас на работе мужчины и женщины вдвоем не остаются, должен обязательно быть третий человек»). Девушка, 21 год, Дербент). Мессенджер What's app, по словам респондентов, используется для общения и быстрой координации действий с родственниками и коллегами (члены «Город наш»).

* * *

Итак, если исторически активное включение женщин в публичное пространство для разрешения конфликта в Дагестане было явлением нередким, однако носило скорее характер исключения и было связано с серьезными проблемами для рода или поселения в целом, то в последние десятилетия наблюдается рутинизация этих практик, то есть женское участие в публичных акциях принимает постоянную форму и воспринимается всеми сторонами конфликта как приближенное к мужскому и даже в тех или иных аспектах обладающее большим мобилизационным и протекторным ресурсами по сравнению с последним. Процессы урбанизации связанной с ней внутренней миграции, возможность получать образование, обращение к новейшим средствам коммуникации и передачи информации и т. д. выступают факторами, стимулирующими включение женщин в публичное пространство, в том числе в форме протестов. В то же время, сохраняющиеся консервативные установки общества, а также растущая религиозность в постсоветское время негативно сказываются на этих процессах.

Библиография

- Бурдые П. 2005.** Мужское господство. *Социальное пространство: поля и практики*. М.: Институт экспериментальной социологии. С. 286–364.
- Бурдые П. 2007.** Социология социального пространства / Отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии.
- В. Ч. 1885.** Абхазская женщина. *Кавказ* 62.
- Дзагурова Ю. П., Михайлова Н. В. 1979. (ред.)** Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. 1917–1936 гг. *Сборник документов и материалов*. М.: Мысль.
- Казенин К., Стародубровская И. 2019.** Граница перемен. Как протесты меняют ингушское общество. *Полит.ру*. URL: <https://polit.ru/article/2019/03/28/ingushetia/>.
- Казенин К., Стародубровская И. 2016.** Северный Кавказ и современная модель демократического развития. *Полит.ру*. URL: <https://polit.ru/article/2016/04/01/caucasus/>.
- Казенин К. И. 2019.** Миграция северокавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия. *Журнал исследований социальной политики* 17(1): 23–38.
- Казенин К. И. 2019.** Северный Кавказ: вызовы развития и поиск ответов на них. *Журнал исследований социальной политики* 17(1): 5–6.
- Карпов Ю. Ю. 2007.** Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Карпов Ю. Ю. 2013.** Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»).
- Карпов Ю. Ю. 2017.** Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Маньшев С. 2019.** Мать и дитя в ранней советской политике: случай Дагестана. *Журнал исследований социальной политики* 17(1): 75–85.
- Митрофанова Е. С. 2019.** Переход во взрослую жизнь: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной. *Журнал исследований социальной политики* 17(1): 133–141.
- Нефляшева Н. А. 2016.** Про #ЯНеБоюсьСказать, честь женщины и кавказские адаты. *Кавказский узел*. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/25269>.
- Смирнова Я. С. 1983.** Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М.: Наука.

- Стародубровская И. В. 2019.** Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия. *Журнал исследований социальной политики* 17(1): 39–56.
- Стародубровская И. В., Соколов Д. В. 2015.** Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Benford R. D., Snow D. A. 2000.** Framing processes and social movements: An overview and assessment. *Annual review of sociology* 26(1): 611–639.
- Davis J. A. 1959.** A formal interpretation of the theory of relative deprivation. *Sociometry* 22(4): 280–296.
- Della Porta D., Diani M. 2006.** Social movements: An introduction. Oxford: Blackwell.
- Fraser N. 1990.** Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy. *Social text* 25(26): 56–80.
- Goffman E. 1974.** Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press.
- Gurr T. R. 1970.** Why men rebel. Princeton: Princeton University Press.
- Habermas J. 1991.** The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. MIT press.
- Hafez S. 2014.** The revolution shall not pass through women's bodies: Egypt, uprising and gender politics. *The Journal of North African Studies* 19(2): 172–185.
- Halpern J. M., Kaser K., Wagner R. A. 1996.** Patriarchy in the Balkans: Temporal and Cross-Cultural Approaches. *The History of the Family* 1(4): 425–442.
- Harris A. 2008.** Young women, late modern politics, and the participatory possibilities of online cultures. *Journal of youth studies* 11(5): 481–495.
- Joseph S. 1996.** Patriarchy and Development in the Arab World. *Gender and Development* 4(2): 14–19.
- McCarthy J. D., Zald M. N. 1977.** Resource mobilization and social movements: A partial theory. *American journal of sociology* 82(6): 1212–1241.
- Molodikova I., Watt A. 2014.** Growing up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education. London: Routledge.
- Olson J. M., Herman C. P., Zanna M. P. 2014.** Relative deprivation and social comparison: An integrative perspective. *In Relative Deprivation and Social Comparison*. New York: Psychology Press.
- Olson L. J., Adonyeva S. 2013.** The worlds of Russian village women: tradition, transgression, compromise. Madison: University of Wisconsin Press.

-
- Papacharissi Z. 2002.** The virtual sphere: The internet as a public sphere. *New media & society* 4(1): 9–27.
- Szoltyssek M. et al. 2017.** The patriarchy index: A new measure of gender and generational inequalities in the past. *Cross-Cultural Research* 51(3): 228–262.
- Therborn G. 2004.** *Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000.* London: Routledge.
- Tilly C. 2017.** From mobilization to revolution. In *Collective Violence, Contentious Politics, and Social Change*. New York: Routledge.